

## ЗАКОНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕЛЕКЦИИ

Н.С. Данакин  
Л.Я. Дятченко

Закономерности социальной селекции выражают место и роль селективного процесса в жизни и эволюции человеческого общества, а также существенные связи внутри самого этого процесса.

### Основной закон социальной селекции

Любая социальная система – а ее мы понимаем в широком смысле, т.е. как специфическую для человека систему жизнедеятельности – нормально функционирует и развивается при условии отбора и закрепления лучших признаков, элементов и устранении худших. «Лучшие» или «худшие» выражают здесь полярные значения отдельных признаков (элементов) социальной системы с точки зрения их соответствия ее целям. Так, скажем, воровство является отклонением от социальных норм (худшим признаком), и общество стремится избавиться от него или хотя бы свести это негативное явление к минимуму. Соответственно и люди, постоянно промышляющие воровством (худшие элементы), не могут рассчитывать на одобрение. Можно представить себе, до чего бы мы дожили, если бы общество оставило воров в покое, в «законе». Скорее всего, каждый стал бы воровать: одни открыто (грабеж), другие тайно. Само общество в конечном результате развалилось бы.

Томас Гоббс, приписав нашим далеким предкам именно такого рода нравы – «человек человеку волк», вывел из этой посылки идею общественного договора, согласно которой люди, изнуренные взаимной враждебностью, «беспределом», решили создать специальный институт, устанавливающий и поддерживающий общественный порядок. Этим институтом, по его мнению, было государство.

Мы не собираемся оспаривать истинность данной идеи. Для нас важно другое: общество не может нормально функционировать, если не использует эффективные меры против нарушений (нарушителей) установленных им норм.

Возьмем для примера еще одну систему – образовательную, а именно: систему общего образования. Если в каком-то классе есть пара неуспевающих учеников, которых «за уши тянут» в следующий класс, то к выпускному классу общий интерес учеников к учебе резко понизится. Если в младших классах были еще отличники, то в выпускном классе они, как правило, исчезают. Большая часть выпускников – «средняки», да и сам уровень снизится, поскольку его из года в год опускали все ниже и ниже те самые «неуспевающие», которые незаслуженно получали положительные переводные оценки. Ясно, что образовательно-воспитательный эффект школьной оценки при этом резко падает. «Если Сидоров ничего не знает и совсем не учит, а получает удовлетворительные оценки, то мне поставьте «отлично», ведь я учил и что-то знаю» – скорее всего так будет действовать в рассматриваемой ситуации «средняк». А может быть, и по-другому: «Зачем учиться, если и так поставят положительные оценки и переведут в следующий класс».

Таким образом, из-за «неуспевающих» начинает деградировать весь класс. Мы не исключаем случая, когда они держатся особняком, оказываются в изоляции и другие ученики не обращают на них внимания или под сильным воздействием умелых учителей и активных одноклассников они «берутся за ум» и начинают «подтягиваться» в учебе к остальным, но это, скорее всего, – только отдельные случаи. Гораздо большее распространение получило обратное: худшие тянут вниз остальных. Если нет возможности побудить «неуспевающих» к учебе, то можно их оставить «второгодниками» или организовать для них, на крайний случай, какой-то специальный класс, но приравнивать их к «успевающим» преступно и даже

вдвойне преступно: преступно по отношению к другим учащимся, еще сохранившим мотивацию к учебе, и преступно по отношению к самим «неуспевающим», которые приучаются жить во лжи и обмане.

Подобная же практика «вытягивания» неуспевающих и не желающих успевать Митрофанушек проникла и в высшую школу. Мы знали вузовского преподавателя, который принципиально не ставил на экзаменах неудовлетворительных оценок. «Удовлетворительно» он ставил тем студентам, которых впервые видел на экзаменах, «хорошо» – кто более или менее регулярно посещал занятия, и «отлично» – кто что-то отвечал на экзамене. «Хочешь жить – умей вертеться, – пытался он объяснить свое «педагогическое» кредо. – Если из-за моих неудовлетворительных оценок студентов отчислять за неуспеваемость, то я останусь без работы: учить-то будет некого». Стоит ли после этого удивляться, что некоторые выпускники математических факультетов не могут решить задачи по элементарной математике, а филологических факультетов делают по 15-20 ошибок в школьном диктанте. Когда выпускника одного из инженерно-экономических вузов спросили, какие он знает языки программирования, тот, не задумываясь ответил: «Три – английский, русский и азербайджанский».

Анализ поведения разного рода социальных систем (экономических, политических, образовательных и т.п.) позволяет установить следующую закономерность: если социальная система лишена механизма нейтрализации или устранения худших признаков (элементов), то ее общее качество начинает регрессировать и деградировать до уровня этих признаков (элементов).

Устранение худших признаков позволяет поддерживать заданное качество социальной системы, ее равновесие с самой собой и внешней средой, но оно пока еще не обеспечивает ее развития, тем более что такой прогрессирующей эволюции требуют от нее изменения во внешней среде. Оставаться на месте в данном случае – значит постепенно отставать. Если, к примеру, система высшего образования не перестраивается с учетом меняющихся запросов общественной практики, то она в конце концов никому не будет нужна. Следовательно, одного только устранения худших признаков недостаточно, нужны еще отбор и закрепление лучших признаков. В этом случае селекция приобретает должную целевую завершенность и функциональную полноту. Можно вести разговор о полной селекции (отбор лучших и устранение худших) и неполной или частичной (или только отбор лучших, или устранение худших). Так, организация соревнования на производстве была нацелена в свое время на выявление лучших и распространение их опыта, она практически не трогала худших. Напротив, традиционная система административных мер по укреплению трудовой дисциплины (замечание, предупреждение, выговор, строгий выговор, увольнение) относится непосредственно к худшим и не трогает лучших.

Допускаем, что есть класс задач, для решения которых достаточно частичной селекции, но если от них на время абстрагироваться, то можно прийти к такому утверждению: если селекция направлена только на развитие социальной системы (назовем эволюционной селекцией), то она упускает ее функционирование и может вести к дисфункциям; если она направлена только на функционирование (назовем функциональной селекцией), то исчезает импульс к развитию. Когда токарь, побуждаемый соревнованием, изготавливает двадцать втулок, а их нужно всего десять, то эффект от такого рвеня отрицательный (нерациональное использование рабочего времени, перерасход металла) или, иными словами, дисфункциональный. Когда же руководитель замечает у подчиненных одни только недостатки и соответственно наказывает их (это уже другая иллюстрация), то он обеспечивает в лучшем случае функционирование производства, но только не его развитие. Для последнего нужны сотрудники, уважающие себя и уважаемые руководителем.

Подытожим сказанное. Социальная система может нормально функционировать и развиваться при условии непрерывного отбора и закрепления лучших признаков (элементов) и устранения худших. Это – основной закон социальной селекции, выражающий место и роль селективных процессов в жизни и эволюции человеческого общества.

Можно было бы привести бесконечное множество фактов, подтверждающих данный закон, но ограничимся одним. Кто из вас не помнит из школьного учебника о жестоком обычае древних спартанцев! Каждого новорожденного осматривала специальная комиссия. Если он оказывался крепким и здоровым, его отдавали родителям, выделив им при этом земельный участок. Слабых и уродливых кидали в пропасть. В глазах спартанцев жизнь новорожденного была так же бесполезна ему самому, как и государству, если он был слаб, хил телом при рождении.

С нашей точки зрения подобная селекция выглядит, конечно же, чудовищной, но мы хотели бы сказать о другом. Спартакскими законодателями, и прежде всего Ликургом, была введена универсальная система социального отбора, начиная от воспитания детей и кончая выборами в государственные учреждения. Буквально вся их жизнь от младенческого возраста до глубокой старости была пронизана селективными отношениями. Уходом за детьми занимались специальные кормилицы. Они не пеленали детей, давали полную свободу их движениям. Приучали их не есть много, не быть разборчивыми в пище, не капризничать и не плакать... Так начиналось суровое спартанское воспитание. Непрерывные испытания, состязания сопровождали спартанца до конца его жизни. В конкурсе на замещение вакантной должности члена геруссии (выборного высшего государственного органа) могли участвовать только те, кому исполнилось шестьдесят. Для них устраивалось специальное состязание, где каждый бился до последних сил. Здесь выявлялись уже не самый быстрый из быстрых или сильный из сильных, а лучший и умнейший между лучшими и умнейшими людьми. За свое нравственное превосходство победитель получал пожизненно в награду высшую власть в государстве... Плутарх не без восторга пишет: «В продолжение пяти веков, пока Спарта оставалась верна законам Ликурга, она по своему строю и славе была первым государством в Греции (Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2-х томах. – Т.1. – М., 1990. – С.122).

Там, где действует механизм селекции, мы видим прогрессирующее развитие социальной системы. Основной закон социальной селекции – важнейший закон социального прогресса. Ни один другой фактор, включая и классовую борьбу, не придает такого положительного импульса развитию социальных систем. Кстати, о классовой борьбе. Ее нельзя отбрасывать со счетов, хотя ее роль в истории была преувеличена (мы имеем в виду марксистскую традицию). Классовый принцип предполагает жесткую разграничительную линию между социальными группами. При этом одним классам приписываются только достоинства, другим – недостатки. Первые оказываются носителями всемирной добродетели, вторые – мирового зла. Есть только «наши» и «не наши», а «кто не с нами, тот против нас».

Такая оценка социальной действительности пагубна вдвойне. Во-первых, она целиком отрицает какие-либо положительные качества у так называемых «реакционных» классов, скажем, чувство чести и собственного достоинства аристократа или предприимчивость буржуа. Признаком хорошего тона считается даже третирование этих качеств, априорно отнесенных к «пережиткам прошлого». Во-вторых, она «оптом» признает как совершенные все качества у так называемых «прогрессивных» классов, смешав все в одну кучу – и действительные «плюсы» и явные «минусы». И мы теперь уже знаем, к чему приводит такое «смешение» – а именно: к общей деградации социальных качеств у «прогрессивных» классов. Если недостатки выдаются за достоинства, то и сами достоинства становятся недостатками. В кои веки доносы на родителей считались достоинством? Никогда. А вот классовый принцип их оправдывал и даже одобрял. У каждого социального класса есть в истории свое предназначение, каждый из них чем-то обогащает человеческую

цивилизацию и культуру. Каждый ставит свою ступеньку в историческом восхождении человечества. «Если я видел дальше других, то только потому, что стоял на плечах гигантов» – эти слова Исаак Ньютон сказал с мудрой скромностью. Только поднимаясь по всем ступенькам цивилизации и культуры, можно достичь тех высот, продвижение к которым требует уже новых ступенек. В противном случае приходится начинать историческое движение с самых нижних ступенек, с варварства. Хорошо известны ленинские слова о том, что коммунистом можно стать при условии освоения всех богатств, выработанных человечеством, но эти высокие слова явно разошлись с классовым принципом, на котором настаивал тот же Ленин – и не только настаивал, но и проводил его в жизнь. И как? Все старое было разрушено – и плохое, и хорошее – и общественная жизнь начиналась фактически с ее первоначальных, примитивных форм. За семьдесят лет мы оказались в уникальном обществе, в котором перемешались все ступеньки исторического развития – от первобытного варварства до государственно-монополистического капитализма. В таком же состоянии, к сожалению, продолжаем оставаться и сейчас.

Еще в конце прошлого века столкнулись две принципиальные позиции относительно смысла социализма, его исторической судьбы. Первая – социал-демократическая – исходила из того, что социализм – это продолжение, развитие капитализма. Вторая – коммунистическая – настаивала на том, что социализм – это отрицание, уничтожение капитализма. С того времени прошло сто лет. И что мы видим? Социализм, вводимый как продолжение и развитие капитализма, живет и процветает (Швеция, Швейцария, Австрия, Испания, Германия, Франция). Социализм, построенный как отрицание, уничтожение капитализма, рухнул. За исключением, может быть, Китая, который, опомнившись, начал спешно вводить рыночную экономику, частное предпринимательство.

Какой вывод следует из этого? Общества, отдавшие должное социальной селекции, т.е. отбору, закреплению лучших признаков как капитализма, так и социализма и отклонению их негативных признаков, оказались на высоте. Общества, целиком отвергнувшие капитализм с его «минусами» и «плюсами» и попытавшиеся претворить социалистическую идею в ее абстрактном виде, оказались на обочине современной цивилизации. И совсем плохо то, что абсолютное неприятие достоинств капитализма, характерное для государственной идеологии еще несколько лет назад, трансформировалось сейчас в столь безусловное неприятие достоинств социализма. Неужели трагическое прошлое страшны ничему нас не учит?

### **Закон социального разнообразия**

В физике есть такое понятие – энтропия. Оно выражает меру неупорядоченности физической системы. Чем больше неупорядоченности или, другими словами, хаоса, тем выше энтропия. Сформулирован и закон, согласно которому энтропия в любой системе возрастает. Проще говоря, любая система деградирует, переходит из одного состояния в другое, более низкое. Такая информация вряд ли вызовет положительные эмоции. Но, к нашему моральному удовлетворению, есть и такие процессы, которые приводят к уменьшению энтропии, т.е. к сравнительно большей организованности и порядку. Таковыми являются, в частности, жизненные процессы. Они как бы бросают вызов вечному закону природы, ограничивая его действие. (Кстати сказать, некоторые ученые пытаются доказать существование обратного закона – уменьшения энтропии, якобы также действующего во всей вселенной). И что особенно мешает возрастанию энтропии, так это тенденция живой материи к увеличению разнообразия своих форм.

Закон разнообразия – это великий закон жизни. Чем разнообразнее ее формы, тем больше шансов для преемственности, возникновения новых, более приспособленных, эффективных форм. Наш выдающийся соотечественник, генетик-селекционер Николай Вавилов обошел чуть ли не всю планету, собирая семена диких растений, отличающихся

исключительной живучестью. Это было не праздным любопытством коллекционера, а долгом ученого содействовать посредством селекции повышению качества культурных растений.

Социальная жизнь – это тоже жизнь, ее особый вид, И чем разнообразнее ее формы, тем она устойчивее и динамичнее. Здесь, как и применительно к исчезающим видам растений и животных, пора заводить «Красную книгу» и заносить в нее все, что находится на грани исчезновения. Разумеется, кроме того, что, выражаясь словами Гегеля, достойно гибели: наркомании, преступности, войн и т.п.

Есть множество причин, которые приводят к непрерывному разнообразию социальной жизни. Одна из самых сильных – потребность человека в утверждении собственной личности. Сделать иначе, лучше – таков ведущий мотив человеческого творчества. Десятки тысяч зданий и сооружений – в многомиллионном Нью-Йорке, но ни у одного из них нет двойника. Встречаются похожие, но чем-то все-таки отличающиеся. Сотни тысяч коттеджей, индивидуальных домов раскиданы по всей Америке, но вряд ли найдешь среди них «близнецов». В той же Америке, если перейти к другой сфере – образованию, введены в действие более полутора тысяч учебно-образовательных программ для школьников. Имеется возможность выбора, отбора наиболее подходящих, лучших.

Потребность в самоутверждении присуща, разумеется, не только американцам. Она является движущей силой поведения и французов, и китайцев, и россиян. Но наиболее выражена она все-таки – почему мы и привели примеры – у тех, кто вырос на англо-американской культуре.

Социальное разнообразие – первейшее условие селекции в обществе. Если все одинаково уныло, то отбирать не из чего. С другой стороны, социальная селекция сама приводит к жизненному разнообразию. Прошедшая через отбор социальная форма вбирает в себя позитивные элементы родственных форм, но отличается от них большей адаптивностью, эффективностью. Акционерная форма собственности не сводится к своим предшественницам – индивидуальной и государственно-общественной, но она вбирает в себя гибкость первой и интегративный потенциал второй.

Обычно печален финал эволюции тех социальных форм, которые в силу тех или иных причин оказываются исключительными и лишаются возможности обогащаться за счет взаимодействия с другими формами. Характерный пример – марксизм как государственная идеология в бывших социалистических странах. Отгороженный «железным занавесом» от других идеологий, противопоставленный им как единственно научная и незаменимая идеология, он вырождался постепенно в цитатничество и апологию антинародных режимов. Он оказался в удушающем захвате своего рода социального инбридинга. Как царствующие династии вырождались, не допуская к себе простых смертных, так и господствующая идеология вырождалась, обеспокоенная сохранением своей классовой чистоты и девственности.

Очевидно, что наша социальная жизнь строилась в течение многих десятилетий вопреки закону социального разнообразия. Мы стремились к однообразию, невиданной доселе унификации жизненных форм. В экономике – к одной-единственной государственной собственности. Даже мнимая «колхозно-кооперативная собственность» признавалась неполноценной и подлежала в перспективе к отмиранию. В политике – к руководящей роли коммунистической партии, заявившей о себе, что она «ум, честь и совесть» современной эпохи. В социальной жизни к формированию «новой» исторической общности людей – советского народа – и постепенному отмиранию наций. В искусстве – к социалистическому реализму, обязательному отображению жизни в ее революционном развитии. Так и в других областях.

Мы тем самым не призываем каждого ввести свою форму собственности или создать свою партию. Политических партий, во всяком случае, и сейчас предостаточно. Наша мысль более проста: пусть получает право на жизнь все, что содействует материальному и духовному благополучию людей, а уж сама жизнь отделит зерна от плевел.

### **Закон социальной дифференциации**

Отобрали как-то самых «лучших» людей и разместили их жить отдельно от «нелучших». Организаторы этого эксперимента рассчитывали, видимо, создать образцово-показательное общество, рай на земле. И что же? Через некоторое время лучшие разделились опять же на лучших, средних и худших. Все вернулось на круги своя.

Это, разумеется, не реальная история, а притча, в которой образно схвачен важный закон человеческой жизни – закон социальной дифференциации, или социального группообразования. Возьмите самую здоровую и устойчивую группу людей, изолируйте, создайте благоприятные условия, и вскоре вы обнаружите разложение группы и появление множества микрогрупп. Даже если в исходной группе три человека, то она все равно распадется как минимум на две.

Для каждого из нас важно ощущение не только своей общности с большой группой, но и собственных границ, личной автономности, которые фиксируются в нашем сознании и поведении посредством нашей причастности к каким-то особым группам. Если я оцениваю себя умным, значит причисляю себя к группе умных людей (даже если этой группы вокруг меня и нет) и обязываю вести себя по нормам данной группы.

В Англии в свое время преступников погружали в трюмы кораблей и увозили как можно дальше от родины: в Австралию, Новую Зеландию, на остров Тасмания. Увозили навсегда, и только немногим удавалось вернуться обратно. Оказавшись в чужих краях вместе с себе подобными, осужденные правонарушители начинали заново устанавливать социальные связи, формировать новое общество, в котором появлялись «свои» лучшие, средние и худшие. Даже в исправительных лагерях происходит такого рода социальная дифференциация, возникает свое общество с жесткими нормами взаимоотношений, делением на группы, аппаратом принуждения.

Смысл закона социальной дифференциации в том, что даже самая однородная социальная группа, оказываясь в относительной изоляции, начинает психологически «рассеиваться», воспроизводить в миниатюре все те морально-психологические типы людей, которые присущи обществу в целом. Если закон социального разнообразия действует как бы по горизонтали, порождая все новые и новые формы социальной жизни, то закон социальной дифференциации – по вертикали, расставляя людей на способных и менее способных, ведущих и ведомых и т.п.

### **Закон социальной иррадиации**

Термин «иррадиация» (лат. *irradiare* – снять, испускать лучи) заимствован нами из психофизиологии, где он обозначает способность нервного процесса распространяться из места своего возникновения на другие нервные элементы. Под социальной иррадиацией мы понимаем процесс распространения новых социальных признаков с места их возникновения на другие элементы социальной системы. Так, например, Сталин любил работать по ночам и в любой ночной час мог позвонить понадобившемуся ему человеку. По истечении какого-то времени весь партийно-государственный аппарат огромнейшей страны стал работать в таком же режиме. Пример, может быть и не совсем типичный, но он достаточно наглядно иллюстрирует суть закона социальной иррадиации. Или другой пример – теперь уже из деяний Хрущева. Посетив в 1960 году Америку и побывав у знаменитого фермера Гарста, он

по приезде в Союз распорядился повсеместно выращивать кукурузу – от Балтики до Тихого океана, от Памира чуть ли не до Заполярья.

В абсолютном большинстве случаев социальные признаки распространяются, конечно же, иначе: без административного нажима. Это удобнее показать на примере хотя бы студенческой группы. Допустим, кто-то из студентов выработал достаточно рациональную и эффективную систему подготовки к коллоквиумам и экзаменам, а другой придумал оригинальный способ использования шпаргалок. Чьим новшеством заинтересуются остальные студенты и возьмут на вооружение? На кого они будут ориентироваться: на лучшего или худшего (с точки зрения целей образовательной системы)? Возможно несколько комбинаций, но в любом случае иррадиация оказывается или восходящей (распространение положительного признака), или нисходящей (распространение отрицательного признака). При восходящей направленности студенты ориентируются на лучших, подражая им, копируя какие-то их особенности. При нисходящей – образцы для подражания задают худшие.

О направленности социальной иррадиации в социальной группе или обществе в целом можно судить по тому, чему люди в большей степени подражают, за какими лидерами идут. Уже известный вам Ликург специально наполнил спартанские города множеством образцов для подражания. С ними постоянно приходилось сталкиваться, они служили путем и примером к достижению добродетели.

Социальные признаки распространяются с определенной скоростью. Сравнительно быстро иррадируют технические и производственные новшества, тем более если интерес к ним вызван конкурентной борьбой, медленнее – признаки, относящиеся к собственно социальной или духовной сферам. Моисей ведь не случайно вел иудеев из Египта на родину целых сорок лет, водил народ по пустыне, ожидая, чтобы умерли те, кто помнил рабство, чтобы выросло поколение, способное начать жизнь уже свободных людей. Русским потребовалось почти три столетия, чтобы прийти в себя после нашествия татаро-монголов, обрести собственное достоинство, собраться с силами и изгнать чужеземцев.

Вопрос о темпах социальной иррадиации имеет особо важное значение – не столько теоретическое, сколько практическое – для нашей страны, нашего народа, которому предстоит включиться в современный цивилизационный процесс.

### **Закон конкуренции**

Отбор и закрепление лучших признаков, избавление от худших наиболее интенсивно совершаются в условиях конкуренции. Если плохо делаешь и не успеваешь за остальными, то отойди в сторону и уступи место другим – таков смысл конкуренции. Здесь никто никого не принуждает и не убеждает. Сама логика человеческого взаимодействия выносит оценку каждому: быть или не быть. Конкуренция автоматически действует в направлении использования в производстве новейших достижений науки и техники, сокращения производственных издержек, снижения цен и повышения качества продукции. Она вызывает невиданную доселе предприимчивость, развитие и рациональное применение человеческих способностей, талантов. Ведь известно, что в тепличных, парниковых условиях подлинный талант задыхается. Здесь может быть обеспечено разве что «расширенное воспроизводство посредственностей».

У нас конкуренция в течение десятилетий совершенно отсутствовала (на само слово было табу). Точнее сказать, присутствовала, но как бы с обратным знаком. Нормальная конкуренция стимулирует снижение себестоимости товарной продукции, наши же предприятия, во всяком случае строительные, были заинтересованы в повышении затрат: чем больше затраты, тем выше зарплата. Так называемое «закрытие» нарядов на выполненные работы требовало от мастеров и прорабов целого искусства обмана. Траншея была выкопана экскаватором, в наряде записывали – «вручную», раствор привозили с завода – писали, что он

готовился на месте и т.д. Нормальная конкуренция побуждает к наращиванию объемов производства, наши предприятия, напротив, добивались снижения плановых заданий. Логика была проста: чем ниже план, тем больше вероятность выполнения и перевыполнения и, следовательно, получения премий, знамен, орденов и т.п. Чуть ли не в норму вошло «сокрытие» производственных мощностей и их использование с целью «повышения» урожайности или надоев молока. Так, в ходе расследования узбекского «хлопкового дела» были обнаружены тысячи неучтенных гектаров хлопковых полей, зарезервированных местными начальниками для «резкого повышения» урожайности хлопчатника.

Единственная область, где существовала нормальная конкуренция, да и то в скрытом виде, – это оборонные отрасли. Необходимо было непрерывно сравнивать скорости, дальности полета самолетов и т.п. у нас и у возможных противников. Здесь понадобилась и наука, в том числе фундаментальная, которая развивалась на мировом уровне. Характерно, что все наши лауреаты Нобелевской премии в области науки так или иначе были связаны с военно-промышленным комплексом.

Отсутствие конкуренции вызвало у нас всеобщее социальное иждивенчество, бесплодную «возню» с отстающими хозяйствами, лентяями, неумехами. Из-за своих иждивенческих настроений мы породили многочисленные конторы, огромную армию аппаратчиков, смысл работы которых состоял только в том, чтобы отвечать на жалобы, накладывать на них резолюции: «разрешить», «поручить», «отказать»... У нас в стране, как нигде в мире, была создана самая ветвистая (правда, бюрократическая) система социальной защиты человека, которая отучила людей заботиться о себе. Она позволяла вполне сносно жить, не перенапрягаться на работе и в быту, отдавая малую часть сил труду. Тут все объяснимо. Работа каждому гарантирована. Важно лишь не очень опаздывать в цех или в учреждение. Даже если инженер целый день «травил анекдоты», а его коллега ломал голову над созданием новой машины, в день полочки оба они, как правило, оказывались равны: и тому, и другому выдавали из кассы мало, но одинаково.

Завершая обзор законов социальной селекции, заметим, что это – не абстрактные (абсолютные) законы, действие которых совершенно одинаково в разных социокультурных условиях. Напротив, эти условия или способствуют, или мешают им. Различаются и сами критерии отбора признаков. В Спарте, как уже говорилось, наибольшую ценность представляли физические качества человека, неприязательность, житейская мудрость, немногословие. В афинском полисе, напротив, ценились умение говорить, убеждать, публичная деятельность. В средневековых обществах важное значение имело происхождение человека, его родословная. В странах мусульманского Востока (Иран, Пакистан, Афганистан) высшее достоинство человека образует его неукоснительное следование Корану и многочисленным религиозным предписаниям. В нашей стране до недавнего времени основным критерием отбора кадров официально была утверждена партийность. «Нельзя забывать, что хозяйственник окружен всякими людьми – и нашими, и чужими, которые пытаются на него воздействовать, пытаются разложить его. Тот хозяйственник, тот директор, тот начальник цеха, который умеет противостоять этому, сохранить целиком свое партийное нутро по-большевистски, – тот молодец. А тот, кто сбивается с этого пути, тот погибнет, ничего из него не выйдет. Партийность – прежде всего и раньше всего» – и эту несуразницу изрекал Георгий Орджоникидзе – талантливый организатор производства, человек исключительной добросовестности и самоотверженности, соратниками и учениками которого были И. Лихачев, А. Завенягин, И. Тевосян и многие другие выдающиеся хозяйственники. В современной управленческой практике используются многокритериальные системы отбора персонала организации, что позволит уменьшить вероятность появления селективных ошибок.